

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХVII.

1900.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Блашневъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшія указы	51
II. Высочайшія повелѣнія	54
III. Высочайшія приказы	59
IV. Высочайшія награды	67
V. Министерскія распоряженія	96
VI. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	103
VII. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	109
VIII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованию	110
Открытіе училищъ	111
Ө. Д. Ватушковъ. Въ борьбѣ со словомъ	209
Е. В. Анничковъ. Очеркъ литературной исторіи Аррава въ XIII вѣкѣ	229
В. А. Францевъ. Давидъ Адамъ Валеславичъ	309
А. Д. Барнѣевъ. Въ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Толковой Псалмъ и Златой Матицы	335

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. С. Иконниковъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ го- сударствѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. С. Ө. Платонова. С.-Пб. 1899	367
А. И. Соболевскій. В. Н. Щенкинъ. Разсужденіе о языкѣ Савви- ной книги. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словес- ности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1899	399
Б. А. Тураевъ. Древній Египетъ. Культурно-историческій очеркъ. Составилъ В. Ө. Икономовъ. Москва. 1897	404
— Книжныя новости	407

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Виселминъ Тойшеръ. Теоретическая педагогика и общая дидактика	17
Ив. Виноградовъ. Титъ Ливій книга XXX	19
И. К. Ситловъ. Учебникъ зоологій	20
С. К. Перстальский. Учебникъ зоологій	21
Дмитрій Лебедевъ. Федонъ.—Разговоръ Платона	24
В. М. Илатовъ. Арифметика	26
С. А. Портыкій и Н. А. Рубанинъ. Среди цвѣтовъ	30
Н. Кореньковъ. Рѣчь Цицерона за Публия Сестія	31

(Ом. 3-ю стр. обложки).

ДАНИЛЬ АДАМЪ ВЕЛЕСЛАВИНЪ.

„Архитипографъ Пражскій“¹⁾.

Къ трехсотлѣттю его смерти (1599—1899).

Искусство книгопечатанія очень рано стало извѣстнымъ въ Чехи, благодаря близкому сосѣдству ея съ родиной его. Къ сожалѣнью, точныхъ данныхъ о началѣ чешскаго книгопечатанія не сохранилось. Первой печатной чешской книгой принято считать „Троянскую исторію“, вышедшую въ 1468 году въ Пльзни, но имя перваго чешскаго печатника для насъ осталось неизвѣстнымъ. Первая Пльзенская типографія была, какъ свидѣтельствуется разнообразіемъ шрифтовъ, коими напечатаны первыя пльзенскія изданія, одной изъ лучшихъ типографій XV вѣка. Въ XV и XVI в. чешскія книги печатаются главнымъ образомъ въ Прагѣ, Пльзни, Кутной Горѣ (Библия 1489 г.),

¹⁾ Цѣльнаго изслѣдованія, посвященнаго жизни и дѣятельности Данила Адама Велеславина, въ чешской литературѣ нѣтъ. Изъ отдѣльныхъ очерковъ и статей можемъ отмѣтить слѣдующіе: *Život Daniele Adama z Veleslavína, Hlasatel Český*, v Praze, 1806, I, díl II, 161. — Fiala F., *D. Ad. z Veleslavína. Zlomek životopisný. Program státní realky v Brně*, 1852. — *Čupr Fr., Životopis D. Ad. z Velesl., Staročeská bibl., díl II, v Praze*, 1853 (введеніе къ изданію отрывковъ изъ его трудовъ). — *Legis Glückselig, Leben und Bildniss des gelehrten böhm. Typographen Mag. Dan. Ad. v. Veleslavín, Illustr. Chronik v. Böhmen, Prag*, 1854, Bd. II, 11—12. — *Daniel Ad. z Veleslav., Zlaté Klasy, v Praze*, 1854, I, 109. — *Vinohorský J., Jádro z jednéh o působení Ad. D. z Velesl., Program gymn. v Hradci Králové*, 1855. — *Rybička A., Něco o tiskárně Veleslavínově, Památky Arch.*, I, 1855, 255, тамъ же прибаловіе К. Зана. — *Daniel Ad. z Velesl., ж. Libuše*, 1863, I, 83. — *Daniel Ad. z Velesl., Illustr. Evang. Věstník, v Praze*, I, 1865—1866, 130. — *Sl. Fr., Daniel Ad. z Velesl., ж. Praha*, 1868, II, 322. — *Daniel*

Младой Болеслави, Литомышли, Бѣлѣ и Вилемовѣ; но въ то же самое время чешскія книги выходятъ и изъ типографій Венеціи (Венеціанская Библия 1506 г.), а особенно изъ ближайшихъ нѣмецкихъ центровъ книгопечатанія: Нюрнберга, Виттенберга и Лейпцига. Вскорѣ, однако, искусство книгопечатанія, столь быстро развившееся въ Чехіи, стало приходить въ упадокъ, и только во второй половинѣ XVI столѣтія оно вновь поднимается и достигаетъ, благодаря дѣятельности нѣкоторыхъ типографовъ, высокаго совершенства. Къ числу людей, въ значительной степени способствовавшихъ развитію и усовершенствованію чешскаго книгопечатанія, вызвавшихъ своею дѣятельностью на новое поприще цѣлый рядъ другихъ работниковъ и содѣйствовавшихъ расширенію и процвѣтанію чешскаго книжнаго дѣла, принадлежитъ прежде всего Юрій Мелантрихъ Рождяловскій изъ Авентина, „архитипографъ чешскій“. Издательская дѣятельность его была плодотворна и чрезвычайно разнообразна; изъ его типографіи вышло множество книгъ на языкахъ чешскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и греческомъ самаго разнообразнаго содержанія: нѣсколько изданій библіи, множество богословскихъ трактатовъ, молитвенниковъ, сборниковъ церковныхъ проповѣдей, пѣсней, рядъ юридическихъ сборниковъ, книгъ по медицинѣ и языкознанію (словарей, грамматикъ и пр.), творенія греческихъ и римскихъ классиковъ, нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ повѣстей и излюбленныхъ средневѣковыхъ романовъ (о Геркулесѣ, Брунцвикѣ, объ Александрѣ Македонскомъ, Эйлоспиниглѣ, Маркольтѣ, Мелюзинѣ, О семи мудрецахъ и пр.), множество календарей, сонниковъ, планетъ и т. под. книгъ для престолярнаго чтенія. Заботясь о развитіи и усовершенствованіи своей типографіи, Мелантрихъ завязалъ сношенія съ лучшими того времени печатниками

Ad. z Velesl., Světozor, IV, 1870, 94. — Život Dan. Ad. z Velesl., Obrazy života, 1875, III, 47.—Wenig F., Opravy životopisné dle Kalendáře Veleslavínova, Č. Č. M., 1881, 535.—Winter Z., Nový příspěvek k dějinám tiskárny Velesl., Č. Č. M., 1886, 139—142.—Разбору произведений Велеславина, кроме немногихъ страницъ, отведенныхъ имъ въ F. M. Pelzla, Abbildungen böhmischer... Gelehrten, III, 25, Ad. Voigtà, Acta literaria Boh. et Moraviae, Pragae, 1775, Balbinà, Bohemia data (II, 52), посвящены статьи: I. Новака, O slovníkářských pracích Daniele Ad. z Velesl. (Č. Č. M., 1885, 333, 556); А. Трухларжа, Politia historica D. Ad. z Velesl. (Č. Č. M., 1885, 346); Яр. Вядло, První a druhé vydání Veleslavínova Kalendáře Historického (Časop. Spol. přátel Starožitnosti českých, III, 1895, 25, 45).

О чешскихъ первопечатныхъ книгахъ обширныя извѣстія у Гаппи (Č. Č. M., 1840, 77; 1852, 45); литературу по этому вопросу см. у Ю. Короба, Vývoj knihtiskářství a česke prvotisky, V Plzni, 1880.

базельскими, юрибергскими и франкфуртскими, выписывалъ отъ нихъ шрифты, гравюры для своихъ изданій и всякаго рода типографскія принадлежности. Изданія Мелантриха по своему изяществу и совершенству печати съ полнымъ правомъ могутъ быть поставлены наряду съ изданіями Альда Мануція, Фробенія и Эльзевира и значительно превосходятъ въ этомъ отношеніи изданія всѣхъ современныхъ ему чешскихъ типографовъ.

Но Мелантрихъ не былъ лишь простымъ типографомъ-издателемъ и книгопродавцемъ: онъ перевелъ съ латинскаго языка нѣсколько произведеній религіознаго и поучительнаго содержанія. Если самостоятельная литературная дѣятельность Мелантриха и незначительна, то всеже велики его заслуги въ исторіи выработки чешскаго литературнаго языка, пришедшаго въ упадокъ подъ вліяніемъ латинской школы и потерявшаго много своихъ славянскихъ оригинальныхъ чертъ въ переводной литературѣ латинской и нѣмецкой. Изданія Мелантриха всегда просматривались и исправлялись раньше печатанія или имъ самимъ, или же отдавались имъ на просмотръ авторитетнымъ ученымъ; нѣкоторыя изданія Мелантриха снабжены его собственными предисловіями,—напоминаніями о необходимости соблюденія грамматическихъ правилъ чешскаго языка и всѣхъ его оригинальныхъ особенностей,—или же такого рода предисловіями снабжаютъ свои труды авторы ихъ или переводчики. Мелантрихъ, замѣтимъ кстати, былъ однимъ изъ первыхъ чешскихъ провозвѣстниковъ идеи славянской литературной взаимности. По миѣнію Мелантриха, ясно выраженному въ предисловіи къ изданію его „Гербарія“ Маттіоля, книгой этой, изданной „для чеховъ, моравцевъ и поляковъ“, могутъ въ одинаковой степени пользоваться тѣ народы, которые употребляютъ „нашъ благородный и широко-распространенный славянскій языкъ“.

Продолжателемъ дѣла, созданнаго Мелантрихомъ, — и вполне въ томъ же духѣ и направленіи, какое оно получило отъ своего создателя,—является Данииль Адамъ Велеславинъ. Онъ родился въ Прагѣ 31-го августа 1546 г. ¹⁾ Отецъ его былъ въ Прагѣ мельникомъ, но происходилъ изъ деревни Велеславина, лежащей неподалеку отъ Праги;

¹⁾ Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ „Историческомъ Календарѣ“ (подъ 31-ымъ августа): „Léta MDXCVI. W úterý před Sv. Gilgim narodil se w Praze M. Danyel Adam z Veloslavína“. Юнгманъ длетъ только годъ: 1546; Yireček (Rukovět', II, 312): 1 srpna 1545 г.; Fieftunk говорятъ: „nsi“ 1546 г., Rybička (въ Naučném Slovn.): 14 července 1546; то же повторилъ Šembera.

мать, какъ свидѣтельствуеъ самъ Велеславинъ, „*pata ex honestis parentibus*“, была родомъ изъ Кутной Горы. О молодыхъ годахъ жизни Велеславица намъ ничего вообще неизвѣстно; точно также весьма мало данныхъ имѣется для его жизнеописанія и въ позднѣйшіе годы. Есть основаніе предполагать, что Велеславинъ ни въ молодости, ни въ зрѣлые годы не оставлялъ своего отечества, и что всѣмъ своимъ образованіемъ онъ обязанъ почти исключительно самому себѣ и весьма мало школъ.

Онъ съ грустью вспоминаетъ о латинской школѣ, которую ему пришлось посѣщать, и изъ которой, вслѣдствіе неудовлетворительности тогдашней системы преподаванія и отсутствія необходимѣйшихъ пособій, онъ вынесъ такъ мало знаній. Однако, несмотря на отсутствіе хорошей школьной подготовки, Велеславинъ, благодаря своей энергіи и дарованіямъ, въ двадцать два года былъ (1568 г.) уже бакалавромъ факультета свободныхъ искусствъ, и съ тѣхъ поръ его дѣятельность сосредоточивается въ Пражскомъ университетѣ, впрочемъ—ненадолго. Годъ спустя (въ 1569 г.) Велеславинъ, послѣ публичнаго испытанія четырьмя профессорами: Георгіемъ а Sudetis, Петромъ Кодициломъ изъ Тулехова, Прокопомъ Лупачемъ изъ Главачова и Вацлавомъ Зелотинномъ а Formoso Monte, возведенъ былъ въ званіе магистра философіи, а по оставленіи Прокопомъ Лупачемъ катедры исторіи въ Пражскомъ университетѣ Велеславинъ занялъ свободную катедру. Къ сожалѣнію, о его семилѣтней преподавательской дѣятельности, за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Можно предполагать только, что его ученая и профессорская дѣятельность, сосредоточенная на исторіи, была очень энергичная и живая, такъ какъ въ первые же годы по оставленіи своей катедры Велеславинъ издаетъ рядъ обширныхъ и замѣчательныхъ трудовъ, къ кониъ, несомнѣнно, подготовилъ обильные матеріалы уже въ предшествовавшіе годы. Обширное знакомство его съ исторической литературой чешской и иностранной, необычайная добросовѣстность въ пользованіи источниками и особенное увлеченіе точными хронологическими опредѣленіями съ наибольшей ясностью обнаруживаются въ его знаменитомъ „Историческомъ Календарѣ“, вышедшемъ у Георгія Мелантриха тотчасъ же послѣ оставленія Велеславинимъ профессуры въ Пражскомъ университетѣ, въ 1578 году.

Профессорская дѣятельность Велеславица продолжалась, какъ мы сказали выше, недолго. Въ 1576 году, 27-го ноября, Велеславинъ

женился на дочери Георгія Мелантриха Аннѣ¹⁾ и, согласно существовавшему еще со времени Карла IV закону, по коему профессора университета не могли жениться, а должны были жить всѣ въ коллегіи, оставилъ профессуру. Разставался Велеславинъ съ своей университетской кафедрой съ видимымъ сожалѣніемъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ впоследствии иронически сравнивалъ переходъ свой отъ профессуры къ типографскому дѣлу съ переходомъ съ коня на осла. Но онъ сознавалъ, что на этомъ новомъ поприщѣ онъ можетъ не меньше принести пользы чешскому обществу, чѣмъ на университетской кафедрѣ²⁾.

Для дѣла, такъ блестяще поставленнаго Мелантрихомъ, пріобрѣтеніе Велеславина было положительно спасеніемъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Мелантрихъ часто болѣлъ и не могъ поэтому справляться съ обширнымъ своимъ предпріятіемъ; сынъ его—Юрій младшій Мелантрихъ, несмотря на все желаніе отца подготовить его для продолженія своего дѣла, былъ еще недостаточно зрѣлъ для самостоятельнаго веденія типографіи. Прозорливый умъ Мелантриха сразу оцѣнилъ блестящія дарованія Велеславина, и заслуга Мелантриха заключается и въ томъ, что онъ сумѣлъ пайти себѣ помощника и продолжателя въ лицѣ Велеславина. Нѣкоторые біографы Велеславина думаютъ даже, что, если бы Велеславинъ остался профессоромъ университета, или посвятилъ себя иной дѣятельности, онъ едва-ли, при всей своей учености, могъ бы принести столько пользы чешской наукѣ и литературѣ. Со времени вступленія Велеславина въ качествѣ компаньона въ обширное предпріятіе Мелантриха, всѣ книги, печатавшіяся въ этой типографіи, носятъ фирму обонхъ.

Послѣ смерти Мелантриха въ 1580 году, Велеславинъ самостоятельно повелъ типографію, доставшуюся по наслѣдству сыну Мелан-

¹⁾ Объ этомъ подъ 27 ноября онъ записалъ въ „Историческомъ Календарѣ“: „Téhož dne Léta MDLXXVI. W uterý po Sw. Kateřině před Adwentem Mistr Danyel Adam z Weleslawina měl swadbu s Annau prworozenau dcerau Jifjho Melantricha z Awentýnu, Senátora a Impressora Starého města Pražského“.

²⁾ „Ac initio quidem etiam haec vocatio mea, in quam divina voluntate vocatus, ex Academia, non paulo honestius quam ab equis ad asinos transii, requirere a me videbatur: ut sicut olim in scholis docendo pueritiae prodesse conatus sum: ita nunc typographiae beneficio ejusdem studia pro viribus adjuvarem“. Предисловіе къ „Dictionarium“..., 1579 г.

триха Юрію, но переданную, въ виду запутанныхъ финансовыхъ дѣлъ Мелантриха, въ управленіе Велеславицу. Только послѣ расчетовъ съ бывшими кредиторами Мелантриха Велеславинъ получилъ при раздѣлѣ оставшіяся въ складѣ изданія и всю типографію, а супруга его получила домъ, извѣстный тогда подъ именемъ дома „У двухъ верблюдовъ“, гдѣ Велеславинъ работалъ до самой своей смерти (въ октябрѣ 1599 года).

Типографія Велеславина приведена была имъ до такой степени совершенства, что значительно превосходила всѣ прочія книгопечатни въ Прагѣ. Обиліе, вѣдшее изящество, богатство и необычайная точность изданій Велеславина снискали ему имя „пражскаго архитипографа“, а своимъ изящнымъ стилемъ, безукоризненнымъ чешскимъ языкомъ, считающимся еще и въ настоящее время образцомъ подлинной „чештины“, онъ положилъ печать духа своего на всей тогдашней чешской литературѣ, такъ что эпоха эта получила отъ него свое имя, и конецъ золотого вѣка чешской литературы называется „Велеславинскимъ вѣкомъ“. Въ своихъ ученыхъ трудахъ и изданіяхъ Велеславинъ, правда, не обнаруживаетъ оригинальности мысли и творчества, но онъ всегда умѣетъ критически отнестись къ чужому труду, выбрать изъ него наиболѣе подходящее и умѣло имъ воспользоваться. Въ большинствѣ своихъ изданій онъ является предъ нами какъ компиляторъ или переводчикъ, имѣющій прежде всего цѣлью быть полезнымъ своими изданіями чешскому обществу; въ этихъ заботахъ о благѣ чешскаго учащагося юношества или вообще любознательныхъ чеховъ онъ постоянно издаетъ всякаго рода полезныя книги, то болѣе или менѣе самостоятельныя, то компиляціи или передѣлки, то просто—переводы. Слава Велеславина основывается, конечно, не на оригинальныхъ его трудахъ, среди незначительнаго числа коихъ наиболѣе извѣстнымъ является его „Историческій Календарь“, а главнымъ образомъ—на обширной издательской его дѣятельности, на заслугахъ его по распространенію въ чешскомъ обществѣ полезныхъ книгъ и по выработкѣ чешскаго литературнаго языка. Изъ типографіи Велеславина, по выраженію Бальбина, выходили, словно изъ троянскаго коня или изъ рога изобилія, многочисленныя и разнообразнѣйшаго содержанія книги, и всюду въ нихъ Велеславинъ ясно выражаетъ свои заботы быть полезнымъ согражданамъ и прямо считаетъ свою издательскую дѣятельность продолженіемъ дѣятельности профессорской. Точно также во всѣхъ своихъ трудахъ и изданіяхъ онъ имѣетъ въ виду содѣйствовать возвеличенію, обра-

боткѣ и обогащенію благороднѣйшаго чешскаго языка [„vzdělání a rozhojnění jazyka českého“, или: „zvelebení a rozmnožení přešlechtného jazyka našeho“].

Изъ многочисленныхъ изданій Велеславина мы остановимся на его историческихъ трудахъ и работахъ словарныхъ, какъ наиболѣе цѣнныхъ и достойныхъ вниманія. Самымъ популярнымъ трудомъ Велеславина и важнѣйшимъ памятникомъ его въ области исторической литературы является „Kalendář Historický“, вышедшій двумя изданіями въ 1578 и въ 1590 годахъ. Въ основѣ своей „Историческій Календарь“, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи, является не чѣмъ инымъ, какъ всемірной хроникой, какія во множествѣ распространены были въ средніе вѣка и въ эпоху гуманизма. Своимъ трудомъ Велеславинъ имѣлъ въ виду дать въ руки чешской читающей публикѣ нѣчто въ родѣ пособія или справочной книги по всеобщей исторіи, при чемъ отвелъ въ ней широкое мѣсто исторіи чешской и въ особенности достопамятнымъ событіямъ изъ жизни Праги. Форма, избранная Велеславинимъ для популяризаціи въ обществѣ историческихъ слѣдствій, не можетъ быть названа удачною. Распределеніе историческихъ событій въ календарномъ порядкѣ, по днямъ мѣсяцевъ, начиная съ событій библейской исторіи и исходя къ фактамъ и явленіямъ современнымъ автору, не давало читателю ничего цѣльнаго, связнаго; но въ данномъ случаѣ Велеславинъ, вообще весьма мало самостоятельный въ своихъ трудахъ, слѣдовалъ чужимъ образцамъ. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду и то, что книга Велеславина предназначалась вообще для широкой публики, а въ такомъ случаѣ она своимъ разнообразнымъ содержаніемъ была вполнѣ занимательною и поучительною книгой, изъ коей любознательный читатель все-таки могъ кое-что почерпнуть и запомнить. Сообщая на каждый день мѣсяца рядъ наиболѣе, по его мнѣнію, замѣчательныхъ историческихъ фактовъ, Велеславинъ въ то же время съ наивностью древняго лѣтописца отмѣчаетъ въ своемъ „Календарѣ“ замѣчательныя явленія природы („bouřku, povětrí, komety a zatmění slunce“), небесныя знаменія, стихійныя бѣдствія и т. п. Среди мелкихъ замѣтокъ о томъ, когда приведенъ былъ въ Чехію верблюдъ, или—когда впервые видѣли въ Прагѣ слона, попадаются и всякаго рода небывлицы о танцующихъ звѣздахъ, о водѣ, обратившейся въ кровь, о инеицицѣ, дождемъ сыпавшейся съ неба и т. п.

О популярности этой книги свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ два изданія ея въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1578—1590 гг.). Первое

и второе изданіе „Историческаго Календаря“ значительно отличаются другъ отъ друга. Правда, оба они сходны своей календарной формой; нѣкоторыя отдѣльныя части обоихъ изданій, повидимому, тоже не представляютъ существенныхъ различій; но уже по вѣдшему виду изданіе 1590 года сильно отличается отъ перваго изданія 1578 года: первое изданіе—въ маленькомъ форматѣ (8°); второе въ большой квартѣ (4°); первое изданіе считаетъ всего 212 листовъ; второе ихъ имѣетъ 370. Второе изданіе является, такимъ образомъ, значительно расширеннымъ, какъ объ этомъ упоминаетъ и самъ авторъ на заглавномъ листѣ („to vѣско znova rozšřřeno“), отиѣчая тутъ же, въ чемъ состоятъ эти добавленія. Первое изданіе имѣло въ виду главнымъ образомъ такъ называемую широкую публику, оно было изданіемъ престонароднымъ. Оправдывая необходимость своего труда во второмъ предисловіи къ „Историческому Календарю“ (1578 г.), обращенномъ „къ благочестивому христіанину—читателю“, Велеславинъ говоритъ: „Тѣ, кто станутъ утверждать, что книга моя излишня, такъ какъ со всѣмъ тѣмъ, о чемъ она повѣствуетъ, можно гораздо основательнѣе познакомиться по книгамъ нѣмецкимъ и латинскимъ, будутъ, пожалуй, правы, но только по отношенію къ самимъ себѣ (со se jejich osob dotyce), такъ какъ они знаютъ эти языки. Но вѣдь нельзя же требовать знанія этихъ языковъ отъ людей простыхъ, число коихъ значительно больше (sprostnѣjšich, kterýchъ většř ročet jest). Кто сталъ бы упрекать меня въ излишней краткости изложенія нѣкоторыхъ достопамятныхъ событій, тотъ пусть помнитъ, что я не писалъ полную исторію или хронику, которая, безъ сомнѣнія, для совершенства своего требуетъ надлежащей обширности“. Можетъ быть, тутъ уже авторъ имѣлъ въ виду приготовить со временемъ болѣе совершенное изданіе. „Если въ этомъ Календарѣ, издаваемомъ впервые („jako ropejřřv vudapѣm“), и есть не мало недостатковъ, то все-таки тотъ, кто захочетъ со временемъ взять на себя трудъ расширить и исправить его, имѣетъ проложенный путь.“ Но въ заключительномъ словѣ „K upřřpnѣmъ řřepařřř“, сообщая нѣкоторыя дополненія и поправки, Велеславинъ высказывается гораздо опредѣленнѣе. Онъ обращается къ „благосклонному и искреннему читателю“ съ просьбою снисходительно отнестись къ его труду, который „zřřřv“ не могъ выйти въ свѣтъ вполнѣ, какъ бы слѣдовало, совершеннымъ; авторъ надѣется, что со временемъ (po řřasřřch) Календарь, если ему суждено будетъ печататься во второй разъ, будетъ изданъ гораздо основательнѣе и совершеннѣе („mnohemъ gruntovnějšř a dokonalejšř“),

особенно, если лица, имѣющія какія-либо достойныя памяти замѣчанія, благосклонно сообщать оныя автору.

То, что говорится въ предисловіи перваго изданія о пользѣ чтенія исторіи, касается только простыхъ людей, которые такимъ чтеніемъ и изощряютъ свой умъ и, слѣдуя поучительнымъ примѣрамъ исторіи, направляютъ свою жизнь. Во второмъ изданіи этого предисловія уже нѣтъ. Это изданіе, какъ и первое, посвящено пуркмистрамъ, совѣтникамъ и старшинамъ трехъ Пражскихъ общинъ („Starého, Nového a Menšího měst Pražských“) и имѣетъ цѣль болѣе высокую: дать наставленія и предостереженія, необходимыя для полезнаго и мирнаго управленія общинами вообще и для избѣжанія вредныхъ причинъ, приводящихъ общины къ паденію и гибели. Какъ первое, такъ и второе изданіе „Историческаго Календаря“ имѣло, такимъ образомъ, въ виду цѣли поучительныя. Что второе изданіе было предназначено для болѣе просвѣщенныхъ читателей, объ этомъ свидѣлствуетъ еще и тотъ фактъ, что авторъ постоянно ссылается здѣсь на сочиненія и авторовъ, къ коимъ непосредственно отсылаетъ читателя, не дѣлая никакихъ цитатъ; здѣсь авторъ нѣсколько строже относится къ своимъ источникамъ, исправляетъ ошибки перваго изданія, излагаетъ историческія событія съ указаніемъ причинъ ихъ и слѣдствій, и такимъ образомъ изложеніе его отчасти принимаетъ характеръ прагматическаго повѣствованія.

Самыя цитаты, характеръ и число ихъ во второмъ изданіи говорятъ о ббльшихъ достоинствахъ его сравнительно съ первымъ. Велеславинъ, впрочемъ, и самъ не придавалъ особенной цѣны первому изданію своего Календаря, когда, по свойственной ему скромности, говорилъ о своемъ трудѣ, „že špatný jest dar tento a nehodný“¹⁾.

Всюду въ своемъ трудѣ Велеславинъ является намъ искреннимъ чехомъ, горячо любящимъ свое отечество и особенно родную Прагу, вскормившую и воспитавшую его. О ней онъ говоритъ съ сыновнимъ почтеніемъ и любовною гордостью. „По отношенію къ отечеству

¹⁾ Вальбинъ, вообще очень высоко ставящій „Историческій Календаръ“ Велеславина и находящій, что въ немъ Велеславинъ „превозмогъ самого себя“, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ оба изданія: „alterum (exemplar), antiquius A. 1577, vulgatum, rude et impolitum; posterius A. 1590 editum demorsos sapit ungues. Nihil est alicuius momenti in historia nostra, quod non tractarit, aut non innuerit, idque semper adiecta auctoritate, quod illi perpetuum fuit, omnem narrationem et tempore et scriptoribus consignare, maxime exteris et alienarum gentium nominatis, ne quid affectui in patriam suo tribuisse videretur“.

должно проявлять больше любви, нежели къ родителямъ, отцу и матери; отечество славнѣе и священнѣе ихъ, и мы должны больше чтить и сильнѣе защищать его, нежели родного отца". Велеславинъ вполне искренно убѣжденъ, что родная его Прага не уступаетъ ни въ чемъ Аѳинамъ, ибо все, что цвѣтуція Аѳины давали своимъ гражданамъ, даетъ Прага чехамъ. Чешскій народъ далъ челоуѣчеству много мужей знаменитыхъ въ наукѣ, мудрыхъ въ управленіи государствомъ, героевъ въ войнахъ. „Отечество наше богато,—говоритъ Велеславинъ,—оно въ изобиліи даетъ намъ и пищу, и питье, и одежду, золото, серебро и иные металлы, такъ что мы, несмотря на все наше увлеченіе роскошью, можемъ дѣлиться ими съ сосѣдями, и еслибъ мы оставили чужіе вредные обычаи и нравы, одежды и моды,—намъ ничего не нужно было бы изъ чужихъ земель". Онъ убѣжденъ даже, что знакомство чеховъ со многими сосѣдними народами было вредно для чеховъ, научившихся у чужеземцевъ лишь дурному. Слѣдуя своему убѣжденію о необходимости для всякаго чеха познакомиться хоть нѣсколько съ славянскими міромъ, Велеславинъ сообщаетъ читателю рядъ важнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи польской, кое-что по русской исторіи, отмѣчаетъ посѣщеніе русскими посольствами Праги (въ 1576 и 1578 гг.), подробнѣе останавливается на личности Іоанна Грознаго и т. п.¹⁾

Вторымъ важнымъ трудомъ Велеславина является „*Politia Historica*". Она была издана въ 1584 году. Уже на заглавномъ листѣ Велеславинъ отмѣчаетъ, что трудъ его не есть произведеніе оригинальное, а переводъ съ латинскаго и нѣмецкаго языка, при чемъ точнѣе указываетъ на источникъ свой только въ предисловіи (стр. VI) и затѣмъ еще въ двухъ мѣстахъ перевода, гдѣ упоминаетъ о томъ, что „*Politia*“ есть переводъ обширнаго руководства „*Regentenbuch*“, написаннаго знаменитымъ нѣмецкимъ юристомъ и гуманистомъ Георгіемъ Лаутербекомъ. Начавши переводъ свой около 1582 года, Велеславинъ, при помощи нѣсколькихъ друзей своихъ, закончилъ его въ маѣ 1584 года, при чемъ части, имъ переведенныя и окончательнѣе отдѣланныя, несомнѣнно, тотчасъ же предавались тисненію, такъ какъ къ июлю 1584 года весь трудъ былъ уже напечатанъ.

¹⁾ „*Legacy a poselství Velikého Knížete Mozkewského k Cýsaři Maximiliánovi druhému na aném Ríšáký do Ržezna poslané toho dne (Cierwen XXVII) do Prahy přigelo. Přední w té Legacy byli Kněz Zacharyáš Iwanowicz Sugurský a Ondřej Gawrylowský. Léta 1576*“. I výd., 183 p. О другомъ посольствѣ 1578 г. упоминаетъ на стр. 243. Здѣсь же о рожденіи Іоанна IV, о его завоеваніяхъ земель татарскихъ, о войнѣ въ Лифляндіи и пр.

Трудъ Велеславина нельзя назвать простымъ переводомъ, это вѣрнѣе—самостоятельная переработка „Regentenbuch'a“. Матеріалъ, который заключался въ трудѣ Лаутербека, Велеславинъ не только вполне исчерпалъ, но и въ значительной степени, по собственному признанію, размножилъ и расширилъ его („rozhojnil a rozmpožil“), дополнивши свой основной источникъ соответствующими, иногда очень обширными, статьями изъ разнообразныхъ произведеній латинскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ другихъ ученыхъ мужей и добрыхъ своихъ друзей, особенно Яна Коцина изъ Коцинета. Кромѣ обширныхъ вставокъ, заимствованныхъ Велеславинымъ изъ произведеній Меланхтона, Мюнстеровой „Космографіи“, твореній Плутарха, Ливія и пр. и составляющихъ въ общемъ свыше 50 листовъ „Политіи“, ему принадлежатъ еще три оригинальныя его предисловія къ отдѣльнымъ частямъ „Полятіи“ и множество менѣе значительныхъ вставокъ и дополненій, касающихся главнымъ образомъ чешской исторіи. Въ остальномъ „Полятіи“ ничѣмъ не отличается отъ „Regentenbuch'a“: она также раздѣлена на пять книгъ, подраздѣляющихся на то же число главъ, что и оригиналъ, лишь съ самыми незначительными отступленіями отъ него. Переводъ Велеславина сдѣланъ чрезвычайно добросовѣстно. Велеславинъ, впрочемъ, не держался рабски текста оригинала, а переводилъ иногда довольно свободно, такъ что переводъ его въ иныхъ мѣстахъ является скорѣй самостоятельнымъ толкованіемъ и изложеніемъ оригинала. Изданіе Велеславина вполне отвѣчало потребностямъ и вкусамъ своего времени: жгучій вопросъ объ устройствѣ и упрядоченіи отношеній между подданными и властями издавна привлекалъ къ себѣ общественное вниманіе; разрѣшенія его искали въ поучительныхъ примѣрахъ исторіи или священнаго писанія, а такого матеріала книга Лаутербека давала читателю въ изобиліи. Особеннымъ богатствомъ историческихъ доказательствъ и поучительныхъ примѣровъ отличается II-ая книга, трактующая о томъ, „какими добродѣтелями должны быть украшены короли, князья, господа и иныя власти“. Для насъ эти историческіе примѣры тѣмъ особенно интересны, что Велеславинъ во многихъ случаяхъ сравнивалъ историческія событія и факты съ явленіями современной ему общественной чешской жизни, часто прибавлялъ отъ себя драгоценныя для характеристики его времени замѣчанія и размышленія. Впрочемъ, нѣкоторыя жалобы и нареканія на паденіе нравственности въ обществѣ, на развитіе въ немъ великихъ пороковъ составляютъ обычныя общія мѣста не только такихъ трактатовъ, какимъ

является „Политія“, но и произведеній драматическихъ и для престопа-роднаго чтенія. Такихъ картичь отрицательныхъ явленій обществен-ной жизни находимъ особенно много въ книгѣ четвертой, гдѣ авторъ нападаетъ на дурное воспитаніе молодежи, на плутли ремесленниковъ, лихонмство, отсутствіе правосудія, неумѣренность въ ѣдѣ и питъѣ, безумную роскошь въ одеждахъ и увлеченіе чужестранными модами; переводчикъ снабдилъ послѣднее мѣсто (Сар. X: „O zbytečné rýše a nádhernosti v šatech“) слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Если не послѣдуетъ во время исправленія, намъ угрожаетъ опасность еще большей порчи и окончательной гибели. Ибо, если мы всѣ поголовно обывателя-нимся и перейдемъ не только покроемъ платья, но и нравы, обычаи и языкъ чужихъ народовъ, то куда дѣнется вѣра, честь, простота и искренность чешская, о коей столько мы часто читаемъ и слышимъ. Приходится въ самомъ дѣлѣ опасаться, что въ непродолжительномъ времени истинный и природный чехъ, какъ предсказывали еще наши предки, станетъ на пражскомъ мосту столь же рѣдкимъ явленіемъ, какъ олень съ золотыми рогами“¹⁾).

У кого есть разумъ и кто способенъ судить по настоящему о бу-

¹⁾ Тѣ же самыя мысли и опасенія повторяются и въ предисловіи къ Хро-никѣ Энея Сильвія: „A již jsme tak daleko zašli, že téměř vlastních českých po- vah žádného znamení na sobě neukazujeme. Př. d. povídali staří, že v budoucích letech na pražském mostě tak vzácný bude pravý Čech, jako jelen s zlatými rohy. Dalekoli jsme nyní od pravdy toho proroctví, ja toho na ten čas nechci vyklá- dati; necht' každý, kdož něčemu rozumí, sám od sebe posoudí“. Пророчество о томъ, что настанетъ время, когда чеха не увидишь на пражскомъ мосту, когда чехъ будетъ на пражскомъ мосту такою же рѣдкостью, какъ и олень съ зо- лотыми рогами, неоднократно повторяется въ памятникахъ древней чешской пис- менности. Оно встрѣчается и у Далмилла, влагающаго въ уста Пржемысла II, идущаго противъ Рудольфа Габсбургскаго, угрозу, что по возвращеніи съ войномъ оиъ истребитъ всѣхъ чеховъ, такъ что и на мосту пражскомъ не будетъ о нитъ и воспоминанія:

„Chci Petřín pavlaků potříti,
i na pražském mostě nebude Čecha viděti“.

То же пророчество повторяется въ чешской Александрин, проходитъ черезъ столѣтіе XVI и отиѣчается Велеславинимъ, какъ старое пророчество предковъ. Это пророчество повторялось затѣмъ и въ XVII ст. Самое сравненіе въ нѣсколько намѣненной формѣ встрѣчается часто у духовныхъ писателей. Такъ, братъ Лука въ книгѣ „O obnovení církve“ говоритъ: „A kde jsou praví křesťane? Někde v koutě a řídko naleznúti křesťana pravého, jako jelena se zlatými rohy na praž- kém mostě“.—Cf. Česká Politika, 1889, № 91: „Proroctví o zlatém jelenu na mostě Pražském“.

дущемъ, тотъ прекрасно видитъ, куда мы идемъ. *Deus omnes auget!*“ въ отчаяніи взываетъ Велеславинъ. Самостоятельными добавленіями къ „Полютіи“ являются: 1) „*Předmluva o tažení proti Turku*“, переведенная для изданія Велеславина съ латинскаго языка Яномъ Коциномъ изъ Коцинета и трактующая о средствахъ борьбы съ „главнѣйшимъ непріателемъ христіанства“. Этотъ вопросъ является однимъ изъ излюбленнѣйшихъ сюжетовъ множества литературныхъ произведеній XVI столѣтія. 2) „*Naučení správcům*“, — переводъ съ латинскаго того же Коцина, есть рядъ наставленій правителямъ, и наконецъ: 3) „*Tractát o právu útrpném*“, въ 12 главахъ преподающей совѣтъ, какъ долженъ поступать судья при пытаніи „злыхъ и подозрительныхъ людей“. Если первые двѣ вставки, внесенныя Велеславиннымъ, имѣютъ еще какое-либо отношеніе по содержанию или по основной своей тенденціи къ содержанию трактата Лаутербека, то послѣднія, — наставленіе, какъ пытать преступниковъ, стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ принципами, въ „Полютіи“ проводимыми. По всей вѣроятности, Велеславинъ сдѣлалъ это дополненіе по соображеніямъ чисто практическаго характера, — желая дать своей книгѣ значеніе практическаго руководства и тѣмъ вызвать болѣе большой спросъ на нее.

Во многихъ мѣстахъ „Полютіи“ обнаруживается несомнѣнное вліяніе идей реформаціи, и Велеславинъ, повидимому, сочувственно относится къ этимъ идеямъ. Переводы „*Regentenbuch*“ Лаутербека, Велеславинъ, вообще довольно свободно обращавшійся съ своимъ оригиналомъ, не исключилъ, однако, изъ него тѣхъ мѣстъ, гдѣ, напримѣръ, дѣлались явныя нападки на католичество, осуждалось безженство духовенства, стремленія его къ свѣтской роскоши, гдѣ пренебрежительно говорилось о монашествѣ, гдѣ рѣчь шла о индульгенціяхъ и „невѣроятныхъ“ доходахъ папъ и т. п. Въ болѣе сильныхъ мѣстахъ Велеславинъ нѣсколько смягчалъ слова подлинника и подвергалъ ихъ иногда передѣлкѣ, или кое-что исключалъ, но во многихъ случаяхъ (и едва-ли по ошибкѣ) онъ оставлялъ рѣзкія сужденія оригинала неизмѣненными. Если вспомнимъ, что самъ Данииль Адамъ Велеславинъ былъ тайнымъ приверженцемъ чешскихъ братьевъ (такъ называемыхъ „инкогнитовъ“), что сынъ его Самуиль былъ уже явнымъ протестантомъ и покинулъ Чехію послѣ пораженія на Бѣлой горѣ, тогда проскальзывающее въ „Полютіи“ сочувствіе идеямъ реформаціи не покажется намъ случайнымъ ¹⁾. Говоря о дѣятельности Гуса, Велесла-

¹⁾ См. I. Jireček, *Rukověť*, II, p. 312.

винъ сравниваетъ заслуги его съ заслугами Кирилла и Меѳодія. „Какъ апостолы Кирилль и Меѳодій пріобрѣли для чеховъ и другихъ славянскихъ народовъ право употребленія при богослуженіи собственнаго, ихъ роднаго языка, такъ благодаря Яну и его ученикамъ чешское пѣніе, много лѣтъ уже какъ бы умолкнувшее и вышедшее изъ обычая, опять обновлено и введено въ чешскія церкви“. Насколько содержаніе (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей) „Полятія“ казалось католической іерархіи предосудительнымъ, свидѣтельствуесть тотъ фактъ, что она очутилась впоследствии въ индексѣ запрещенныхъ книгъ, знаменитомъ „Ключѣ“ іезуита Коніаша (*Clavis haeresim claudens et aperiens... 1729 г.*).

Книга эта была, несомнѣнно, весьма поучительной и полезной: она давала чешскому обществу занимательное и поучительное чтеніе, переведена была прекраснымъ чешскимъ языкомъ, и Велеславинъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что тѣ, кто съ такимъ же искреннимъ желаніемъ поучиться примется за чтеніе ея, съ какимъ онъ издавалъ ее для пользы согражданъ своихъ, не будутъ жалѣть ни денегъ, потраченныхъ на книгу, ни времени, посвященнаго ознакомленію съ ней. „Я хвалить этой книги не стану“, скромно замѣчаетъ Велеславинъ, „дабы не казалось, что я хвастаю своимъ трудомъ, да она въ этомъ и не нуждается. Трудъ самъ говорить за себя и за автора“.

Къ числу историческихъ трудовъ—изданій Велеславина относится знаменитая „Kronika Mozkevská“ Ал. Гваньинна, переведенная съ латинскаго языка на чешскій Матвѣемъ Гозіемъ изъ Высокаго Мыта и изданная Велеславинимъ только послѣ смерти его друга Гозія въ 1590 году (второе изданіе ея вышло въ 1602 году).

Предисловіе, предпосланное Велеславинимъ этому изданію, заключаетъ въ себѣ рядъ драгоценныхъ данныхъ для характеристики просвѣщенныхъ взглядовъ Велеславина. Посвящая свое изданіе „пуркмистру и совѣтникамъ г. Колина“, Велеславинъ заявляетъ, что книга его касается, однако, всѣхъ его соотечественниковъ („ke všechmĕm krajanŕm vlasti této Œeské se vztahuje“). Важность содержанія этой книги онъ объясняетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ москвитяне и русскіе происходятъ отъ того же сарматскаго народа, какъ и мы чехи, и употребляютъ, хотя и не безъ различій, тотъ же языкъ, какъ и мы и другіе славянскіе народы, какъ поляки, хорваты, словаки, сербы и пр., то для нашихъ чеховъ полезно знать и вѣдать о томъ, какъ далеко распространено ихъ племя, и что оно обитаетъ не

только въ областяхъ отъ Черпаго лѣса къ уграмъ и полякамъ, но простирается и много далѣе на востокъ солнца и на сѣверъ, отъ Ледовитаго океана, который лежитъ далеко за Москвой, до Средиземнаго и Адриатическаго морей, такъ что оно заняло и наполняло почти половину двухъ частей свѣта—Азіи и Европы. Ибо и при дворѣ турецкаго султана среди знатнѣйшихъ придворныхъ чиповъ обыченъ славянскій языкъ, а нѣкогда онъ былъ въ употребленіи и у султана египетскаго и его мамелюковъ"... Далѣе Велеславинъ пытается объяснить тотъ фактъ, почему москвитяне столько вѣковъ были неизвѣстны „въ нашихъ странахъ". По его мнѣнію, это незнание объясняется частью отдаленностью Москвы и жестокими морозами, свирѣпствующими въ этой странѣ, частью же тѣмъ, что москвитяне не совершили ничего замѣчательнаго и великаго, чѣмъ могли бы прославиться среди другихъ отдаленныхъ народовъ. Далѣе Велеславинъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что москвитяне приняли христіанство по греческому обряду „около 987 года", и что нерпою крестилась княгиня Ольга, получившая потомъ имя Елены; но князья московскіе почти всегда были данниками татаръ вплоть до князя Василія, дѣда нынѣшняго князя Феодора. Онъ первый свергъ татарское иго и, отнявши у поляковъ Смоленскъ и большую часть земель Литвы, сталъ имповать „králem a ráncem vši Ruslâe" и великимъ княземъ. По мнѣнію Велеславина, москвитяне стали болѣе извѣстными „Římsi" (Священной Римской Имперіи) и другимъ народамъ съ тѣхъ поръ, какъ Москву дважды посѣтилъ Герберштейнъ, обширно описавшій свои путешествія. Велеславинъ указываетъ далѣе на необходимость тщательнаго изученія этой страны, такъ какъ дипломатическія сношенія съ нею германскихъ императоровъ становятся все чаще и чаще. Страннымъ и никакъ не вяжущимся съ цѣлымъ предисловіемъ является заключеніе его, гдѣ Велеславинъ выражаетъ Богу благодарность за сохраненіе чешскаго народа среди турокъ, татаръ и „москвалъ" и за то, что чешскій народъ не тернитъ отъ нихъ насилія.

Изъ другихъ историческихъ трудовъ Велеславина отмѣтимъ еще „Всемирную хроніку Яна Каріона" („Kronika Světa"), изданную первоначально на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и переведенную затѣмъ на чешскій языкъ въ 1541 году Буріаномъ изъ Корницъ (напечатана въ Литомышлѣ въ 1541 г.). Велеславинъ „просмотрѣлъ" старое изданіе, исправилъ его чешскій языкъ („v čestně porovnaná") и вновь издалъ въ 1584 году. Интересною является здѣсь „Před-

mluva o užitcích bedlivého čítání historie a kronik“, въ коей Велеславинъ говоритъ, прежде всего, о необходимости изучать исторію тѣмъ, кто поставленъ во главѣ управленія въ мѣрѣ семь. Необходимо изучать какъ Священное Писаніе, поучающее насъ слову Божию, говорящее намъ о пѣчвномъ царствѣ Христовомъ и дающее для руководства князьямъ и правителямъ много прекрасныхъ уроковъ, такъ и языческую исторію („rohanské historie“), повѣствующую о происхожденіи и началѣ всѣхъ великихъ и сильныхъ царствъ, о всѣхъ удивительныхъ перемѣнахъ въ судьбахъ ихъ, о грозныхъ бѣдствіяхъ, на нихъ обрушавшихся... „Какъ примѣръ добрыхъ и достойныхъ похвалы князей и королей, заботившихся о благѣ своихъ подданныхъ и своей страны больше, нежели о своемъ личномъ благѣ, державшихъ охранную руку свою надъ порядкомъ (řádem) и закономъ (právem), любившихъ справедливость и каравшихъ неправду, избѣгавшихъ ненужныхъ войнъ изъ за пустяковъ и геройски защищавшихъ отечество, когда это было необходимо, ограждавшихъ истинную вѣру,—основаніе государства,—и добрые нравы; такъ и жестокости тирановъ, ихъ звѣрства, гордость, зависть и ненависть къ другимъ, даютъ обильные поучительные уроки *правителямъ*, ибо мѣръ всегда одинъ и тотъ же. Но примѣры и уроки исторіи поучительны и полезны и *для всякаго гражданина*; на примѣрахъ и дѣяніяхъ давно минувшихъ временъ гораздо яснѣе познается красота добродѣтели и безобразіе порока, нежели въ простомъ, отвлеченномъ поученіи“.

Слѣдующимъ по времени изданіемъ Велеславина является историческій сборникъ: „Kroniky dvě o založení země České a prvních obyvatelích jejich, též o knížatech a králích Českých i jejich činech. Jedna Eneáše Sylvia Senenského... Druhá Martina Kuthena z Šprun- sperku...“, 1585 года. Первая хроника (Historia Bohemica) была переведена на чешскій языкъ уже въ 1487 году (первое изданіе ея вышло въ Римѣ въ 1475 году) Іномъ Гоуской изъ Угорскаго Брода, но этотъ переводъ остался въ рукописи (въ Ватиканской библіотекѣ); второй переводъ сдѣланъ былъ Николаемъ Копачемъ изъ Годишткова и напечатанъ былъ въ Прагѣ въ 1510 году. Издавая вновь хроникъ Энея Сильвія, Велеславинъ призналъ нужнымъ выпустить ее въ свѣтъ въ такомъ „одѣяніи“, въ коемъ современные ему чехи могли бы узнать трудъ Энея Сильвія, „ибо, какъ въ наше время одежды отличаются отъ тѣхъ, которыя употреблялись сто лѣтъ тому назадъ, такъ и тотъ первый переводъ съ трудомъ отвѣчалъ бы нынѣшнимъ

потребностямъ, такъ какъ онъ не только отзывается старой чештиной, отъ коей мы нынѣ сильно отвыкли, но и латынью, такъ что простой чехъ съ трудомъ могъ бы понимать его“.

Вторая хроника была издана въ 1539 году. Велеславинъ, исправивши эти два изданія, соединилъ ихъ въ одну книгу и издалъ вновь „для блага и пользы всѣхъ чеховъ“. Присоединяя къ хроникѣ Энея Сильвія хроникѣ Мартина Кутена, Велеславинъ имѣлъ въ виду дополнить первую, особенно по части точныхъ хронологическихъ датъ чешской исторіи, недостающихъ труду Энея Сильвія. Этого рода даннымъ онъ придавалъ особенное значеніе.

Изданію предпослано Велеславинимъ обширное предисловіе (předmluva), чрезвычайно драгоценное для характеристики его личности. Хроника Энея Сильвія при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣетъ съ точки зрѣнія истиннаго патріота-чеха крупные недостатки. Эней Сильвій, правда, первый познакомилъ чужіе народы съ чешской исторіей, о которой они не имѣли никакихъ свѣдѣній, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ труда своего одобрительно отзывается о чешскомъ народѣ, похвалитъ должное его отвагѣ, храбрости, безстрашію въ опасностяхъ, опытности въ военномъ дѣлѣ; хвалитъ твердость чеховъ въ данномъ словѣ, склонность къ набожности и т. д., но въ то же самое время онъ приписываетъ чешскому народу такія черты, какъ наклонность къ пьянству, суевѣріе, стремленіе къ новшествамъ, коварство, непостоянство, ненасытную страсть къ грабежамъ и пр. Не скрывая ничуть многихъ пороковъ и недостатковъ чешскаго народа („Ne všdycky předkové naši byli bez úhony“), Велеславинъ считаетъ, однако, необходимымъ выступить съ защитой своихъ соотечественниковъ противъ нѣкоторыхъ обвиненій, взводимыхъ на нихъ Энеемъ Сильвіемъ. „Никто не въ правѣ, говоритъ онъ, приписывать чехамъ негостепримство, грубость и дикіе нравы, развѣ только тѣ, кто ихъ не знаетъ; тѣ же, кто хорошо знаетъ чеховъ, воздаютъ хвалу ихъ дружбѣ, любезности, добротѣ, привѣтливости, охотности и другимъ благороднымъ чертамъ. Можно даже сказать, что излишней любезностью и добротой они вредятъ самимъ себѣ. Чехія вообще и Прага въ частности принимаютъ чужеземцевъ такъ радушно, какъ едва-ли гдѣ-либо встрѣчаютъ чеховъ. Давно уже стало пословицей, что Прага есть пріютъ всей имперіи“. Далѣе Велеславинъ возстаетъ противъ обвиненій чеховъ въ грабежахъ и насиліяхъ и доказываетъ, что нельзя называть грабительствомъ (loupežem) того, что совершается во время войны для защиты и въ воз-

мездѣ врагу. Уже древніе чехи не были народомъ грубымъ и дикимъ, безъ „*řádu a práva*“, когда, поселившись на земляхъ, занятыхъ нѣмцами, заставили ихъ уступить эти роскошныя и богатыя мѣста, создали сильную державу и сумѣли ее защитить. Если Эней Сильвій неодобрительно отзывался о чехахъ, то это объясняется тѣмъ, что италианцы вообще рѣдко кого-нибудь хвалятъ, считая только себя людьми. Кромѣ того, это недоброжелательство его къ чехамъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что чехи благодаря ученію мистра Яна Гуса вышли изъ повиновенія римской церкви и во время Энея Сильвія наиболѣе оказывали непослушанія римскому епископу. Когда же послѣ Базельскаго собора Эней Сильвій посѣтилъ Чехію, ему пришлось вести съ чехами много споровъ и пререканій. Энергично возстаетъ далѣе Велеславинъ противъ обвиненій Энеемъ Сильвіемъ Карла IV въ излишней заботливости о славѣ чешскаго королевства и въ пренебреженіи интересовъ всей римской имперіи; онъ защищаетъ далѣе и сына Карла—Вацлава отъ обвиненій въ жестокости, лѣнности и распутствѣ, ибо убѣжденъ, что судъ о немъ Энея Сильвія и нѣмецкихъ хронистовъ несправедливъ и т. д. Это обширное предисловіе Велеславина рисуетъ намъ личность его самыми симпатичными чертами и обнаруживаетъ горячую любовь его къ родинѣ и полное безпристрастіе автора въ оцѣнкѣ и отношеніи къ фактамъ и лицамъ исторіи другихъ народовъ, особенно — нѣмецкой.

Интересными являются также тѣ страницы предисловія, гдѣ Велеславинъ касается вопросовъ древнѣйшей исторіи своей страны. Первобытными жителями Чехіи, Моравіи и полабско-балтійскихъ странъ нѣмецкихъ (по другимъ—галльскихъ, „*gens gallica*“) онъ считаетъ боіевъ, маркомановъ, швабовъ (то-есть, свевовъ), вандаловъ, гермундуровъ. Только во второй половинѣ V вѣка послѣ Р. Хр. двинулись славяны, словаки или винды (*Slavi* или *Vindi*) отъ Вислы въ земли полабскія и балтійскія; здѣсь они отняли у гермундуровъ соляные рудники въ Галле, которую называли Добрый Боръ или Добрая Соль, равнымъ образомъ называли и многіе другіе города и села на своемъ языкѣ. Остатки этихъ славянъ въ Саксоніи, Маркахъ, Лужицѣ и въ другихъ странахъ презираются до такой степени, что нѣмцы не позволяютъ имъ селиться нигдѣ въ городахъ, изъ которыхъ вытѣснили ихъ предковъ; они должны какъ рабы (*jaco schari*) работать по селамъ. Славяны, славини называются такъ или отъ славяны, — какъ бы славные,—или словаки—отъ слова. Въ тѣ земли прибыли

моложе и славянскіе князья Чехъ и Лѣхъ съ своимъ народомъ и заняли здѣсь новыя земли; тамъ, гдѣ прежде жили винды, венеды, славя, славини. то-есть, славные или словаки, потомъ жили Чехи. Древніе славяне имѣли, кромѣ другихъ боговъ, и Вита, котораго называли Святovitомъ и особенно почитали. Христіанство распространили у славянъ апостолы славянскіе св. Кириллъ и Меодій; Кириллъ выдумалъ особыя буквы, можетъ быть, тѣ, которыя нынѣ употребляютъ русскіе или хорваты и „словаки“ (южные славяне) ¹⁾.

Многочисленнѣе труды Велеславина въ области чешской лексикографіи. Правда, и тутъ онъ является весьма мало самостоятельнымъ, но, пользуясь всецѣло трудами своихъ предшественниковъ, онъ умѣло выбираетъ наиболѣе цѣнное изъ нихъ, запово перерабатываетъ собранныя другими учеными издателями матеріалы, даетъ имъ новое распредѣленіе, привноситъ въ эти собранія кое-что и отъ себя. Наиболѣе крупнымъ достоинствомъ словарей Велеславина слѣдуетъ признать прекрасный переводъ латинскихъ словъ на чешскій языкъ и богатую чешскую фразеологию ихъ. Имѣя въ виду прежде всего удовлетворить своими изданіями потребностямъ тогдашней школы, Велеславинъ, всегда съ любовью относящійся къ родному языку, старается поселить учащейся молодежи такое же уваженіе къ чешскому языку и доказать ей, что по своему богатству и красотѣ онъ не уступаетъ самой цвѣтушей латыни.

Среди словарныхъ работъ Велеславина первымъ по времени изданіемъ является: „*Dictionarium linguae latinae ex magno Basilii Fabri thesauro collectum atque concinnatum. Opus varium et tam docentibus, quam discentibus utile*“... etc. 1579.

Словарь этотъ, какъ заявляетъ самъ авторъ уже въ заглавіи, изданъ имъ для нуждъ чешскаго юношества („*universae iuventuti Bohemicae*“), ибо „давно уже, говорятъ Велеславинъ въ предисловіи, чувствовалась въ чешскомъ обществѣ потребность въ такомъ словарѣ: „*ex quo adolescentes aliquem saltem usum linguarum latinae et bohemicae parvo negotio comparare sibi possint*“.

Прежніе словари для нуждъ тогдашней школы были неудовлетворительны и по своей неполнотѣ и по неточному различенію значеній словъ и, кромѣ того, были уже рѣдки („*haberi desiderant*“). Таковъ, наприимѣръ, былъ латинско-чешскій словарь Вячеслава Дасиподія (или

¹⁾ Тутъ Велеславинъ, очевидно, смѣшиваетъ кириллицу и глаголицу.

Дасипа), изданный въ 1581 г., и извлеченіе изъ него — латинско-чешскій и чешско-латинскій словарь, составленный Томой Решелемъ (Thomas Reschellius) для нуждъ школы (изданъ былъ въ Оломуцѣ въ 1560 и 1562 гг., раньше оригинала, изъ котораго онъ былъ заимствованъ). Матеріалъ для своего словаря Велеславинъ заимствовалъ цѣликомъ, какъ указываетъ уже заглавіе, изъ словаря нѣмецкаго филолога Василя Фабра: „Thesaurus eruditionis scholasticae“ (изд. въ 1571 г. и 1587 г.), при чемъ значительно сократилъ его и, вмѣсто нѣмецкаго перевода латинскихъ словъ, далъ переводъ чешскій, оставивши, впрочемъ, латинскія слова безъ перевода въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ или не понималъ истиннаго значенія латинскаго слова, или не умѣлъ его надлежащимъ образомъ передать ¹⁾.

Самъ Велеславинъ не скрываетъ недостатковъ своего словаря, протекающихъ отъ того, что составителю недоступны были другіе латинско-чешскіе словари, которыми онъ могъ бы пользоваться, какъ пособіями; поэтому онъ убѣдительно проситъ всѣхъ, особенно же знатоковъ языка славянскаго, который, будучи распространенъ по всему свѣту, остается, однако, въ презрѣніи, необработаннымъ, лишеннымъ всякаго блеска и красоты, указать ему всѣ недостатки.

Система, которой слѣдовалъ Велеславинъ въ распредѣленіи матеріала въ этомъ словарѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ латинскія слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ; къ нимъ присоединены нѣкоторыя иностранныя слова, особенно греческія, встрѣчающіяся у латинскихъ авторовъ и вошедшія въ латинскій литературный языкъ; къ отдѣльнымъ латинскимъ словамъ приданы латинскія описанія (парафразы, *descriptions latinae*), во-первыхъ, съ тою цѣлью, чтобы новички въ латинскомъ языкѣ узнали богатство его; во-вторыхъ, для того, чтобы всякій, если данное чешское толкованіе слова покажется ему менѣе подходящимъ (*minus propior*), могъ составить по собственному сужденію лучшій переводъ, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ составитель недоволенъ своимъ переводомъ. Долгота слоговъ, родъ именъ и склоненія, формы перфекта и сущина обозначаются рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это, по мнѣнію составителя, необходимо. Различныя и несходныя значенія словъ онъ обозначаетъ

¹⁾ По свойственной ему скромности Велеславинъ предупреждаетъ, что въ его словарь „non multa sunt, quae industriae et eruditioni meae tribui proprie debeant“, кромѣ развѣ: „collectionis, descriptionis atque interpretationis Bohemicae laborem, operam item et sumptus in editionem factos“.

каждое особымъ параграфомъ, чтобы яснѣе отмѣтить разнообразіе значеній извѣстнаго слова; слова сложные и производныя помѣщены рядомъ со своими простыми и первоначальными, „*ut puri veras et genuinas origines vocum agnoscerent, ad eas inquirendas adsuefierent et quae voces ex quibus quasi natae, ac velut rivuli ex fontibus deductae essent, quodammodo oculorum intuitu animadvertèrent*“. Не удовлетворяясь одними переводами словъ и ихъ объясненіемъ. Велеславинъ во многихъ случаяхъ присоединяетъ къ нимъ болѣе замѣчательныя и болѣе изящныя обороты и фразы; иногда онъ сообщаетъ цѣлыя сентенціи, общія мѣста, пословицы и пр., при чемъ отмѣчается при нихъ имя автора и произведеніе, изъ коего они заимствованы. Замѣчательно, что Велеславинъ, подражая Василию Фабру, очень удачно въ большинствѣ случаевъ переводитъ латинскія пословицы и ходячія мѣткія выраженія соотвѣтствующими пословицами и выраженіями чешскими, понимая прекрасно неудовлетворительность дословнаго перевода такихъ мѣстъ. Изъ собственныхъ именъ отмѣчаются только тѣ, которыя чаще всего встрѣчаются у лучшихъ авторовъ. Насколько вообще удачно сдѣланы переводы словъ латинскихъ на чешскій языкъ, и насколько глубокимъ знатокомъ чешскаго языка былъ Велеславинъ, свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что Юнгманнъ внесъ слова изъ этого словаря въ свой знаменитый трудъ.

Слѣдующимъ по времени изданіемъ Велеславина является: „*Nomenclator omnium rerum propria nomina tribus linguis, latina, bohemica et germanica explicata continens*“, изданный въ 1586 году. Это есть извлеченіе изъ знаменитаго словаря голландскаго естествоиспытателя и филолога Адриана Юнія (de Jonghe): „*Nomenclator omnium rerum nomina variis linguis explicata continens*“, напечатаннаго въ Антверпенѣ въ 1567 году. Этотъ предметный словарь, изданный Велеславиннымъ для надобностей школы, имѣлъ цѣлью познать учениковъ съ предметами окружающаго міра, и потому весь матеріалъ его раздѣленъ на отдѣльныя главы (въ первой части 23, во второй. 13), трактующія о предметахъ школьнаго употребленія, о животныхъ, о животнохъ, о птицѣ, растеніяхъ, одеждѣ, утвари, мѣрахъ и вѣсахъ и т. д. Къ каждому латинскому слову присоединена парафраза или объясненіе его, далѣе слѣдуетъ чешскій и нѣмецкій переводы слова. Недостають словарю Велеславина обширнаго алфавитнаго указателя всѣхъ словъ, какой имѣется въ трудѣ Адриана Юнія, и списка именъ собственныхъ. Сознывая крупныя недостатки этого труда, Велеславинъ впоследствии переработалъ его и вновь издалъ въ 1598

году, одновременно съ обширнымъ словаремъ: „*Silva quadrilinguis vocabulorum et phrasium bohemicae, latinae, graecae et germanicae linguae: in usum studiosae iuventutis scholasticae, naturali methodo alphabeti bohemicum in ordinem disposita et poetarum phrasium copiose supplementum locupletata*“... etc. A. 1598.

Въ предисловіи къ нему Велеславинъ говорить слѣдующее: „Девятнадцать лѣтъ тому назадъ я издалъ для нуждъ учащейся молодежи „*Dictionarium linguae latinae*“, почерпнутый изъ труда Василія Фабра. Насколько полезно и необходимо было изданіе этого словаря, свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что оно все уже разошлось, притомъ не только среди чеховъ, но и между нѣмцами, изучающими чешскій языкъ“. Велеславинъ надѣялся, что послѣ него возьмется за трудъ изданія новаго словаря кто-либо болѣе его ученый и свѣдующій въ языкахъ чешскомъ и латинскомъ и составитъ что-нибудь болѣе совершенное и полезное для успѣшности занятій юношества. „*Sed mea me, ut nunc video, et spes cum voto fefellit, et expectatio frustrata est!*“ А между тѣмъ такихъ ученѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ языкахъ людей Велеславинъ могъ бы назвать не мало, между ними даже ближайшихъ своихъ друзей, съ которыми онъ не разъ говорилъ по этому вопросу и убѣждалъ ихъ взяться за дѣло. „Но я пощажу ихъ имена! Мы все избѣгаемъ трудныхъ и требующихъ много хлопотъ занятій и предпочитаемъ имъ мирную и спокойную жизнь“. Видя равнодушіе ученыхъ людей и друзей своихъ къ этому дѣлу, Велеславинъ рѣшился самъ взяться за него. Прежній словарь ему казался теперь далеко неудовлетворительнымъ, и многое въ немъ ему не нравилось; поэтому онъ постановилъ издать „opus non solum maiore forma, sed etiam limatius ac plenius“, въ которомъ были бы переводы словъ и на языки греческій и нѣмецкій. Онъ вспоминаетъ свои школьные годы, когда отсутствіе порядочнаго словаря причинило огромныя затрудненія въ изученіи языковъ. Такія чудовища („*portenta librorum*“), какъ „*Lactifer*“ или „*Mammotrectus*“¹⁾, наводившія ужасъ уже своими именами, надо, по мнѣнію Велеславина, скорѣе схоронить въ глубочайшихъ пучинахъ, чѣмъ вытаскивать вновь на свѣтъ Божій. „Изъ нихъ, продолжаетъ онъ, мы научились такой латыни, что теперь въ зрѣломъ возрастѣ должны отъ нея отучиваться“. По со-

¹⁾ „*Lactifer*“ Яна Босака Водняскаго — первый печатный латинско-чешскій словарь, изданъ въ Пльзени въ 1511 году; „*Mammotrectus*“ — это имя имѣютъ многіе словари, сохранившіеся въ рукописяхъ (Cf. Jungmann, III, № 3 и № 84).

вѣту и указаніямъ маг. Николая Альберта, чешскаго брата, извѣстнаго знатока еврейскаго языка и участника въ переводѣ Кралицкой библии, которому Велеславинъ изложилъ свое намѣреніе, онъ принялся за обработку словаря Гельфриха Эммеля (M. Elfrici Emmelli Wombacensis, scholae Alzenae rectoris), издавшаго въ 1592 г. въ Страсбургѣ словарь подъ заглавіемъ „Silva quinquelinguis“... etc.

Откинувъ слова еврейскія и французскія („quod harum linguarum inter prostrates usus sit pergarus“), какъ ненужныя для чеховъ, Велеславинъ замѣнилъ ихъ чешскими словами и, расположивъ ихъ въ порядкѣ чешскаго алфавита, перестроилъ такимъ образомъ весь словарь. Онъ помнилъ тѣ упреки, которые дѣлались ему за то, что онъ къ первому своему словарю не присоединилъ второй части—чешско-латинской, и взялся поэтому теперь за эту трудную задачу. „При помощи Божіей и неустанномъ трудѣ“ ему удалось довести свой трудъ до конца въ теченіе одного года. Въ предисловіи Велеславинъ указываетъ еще на два источника, изъ коихъ онъ почерпалъ матеріалъ для своего труда; это были: во-первыхъ, „Дасиподій“ извѣстнаго уже намъ Решеля и, во-вторыхъ, Синонимика, употреблявшаяся въ тогдашнихъ школахъ и извѣстная подъ именемъ Синонимики Петра Кодичилла изъ Тулехова, учителя Велеславина.

Слова латинскія, греческія и нѣмецкія взяты имъ изъ словаря Эммеля, и только немного было прибавлено или откинуто Велеславинимъ; ему всецѣло принадлежать „bohémica“. „Я старался къ этимъ тремъ языкамъ присоединить синонимическія чешскія значенія, чтобы для всякаго сравненіе чешскаго языка съ прочими языками обнаружило и богатство и изящество и красоту, которою онъ не уступаетъ ни одному другому языку. Я не соглашаюсь съ тѣми, которые клеветуютъ на него, какъ на языкъ варварскій и отводятъ ему узкіе предѣлы, какъ языку бѣдному и неразвитому, непригодному для точныхъ опредѣленій. Чешскій языкъ въ томъ видѣ и обработкѣ, въ какой мы нынѣ пользуемся имъ, изященъ, богатъ, приятенъ, величественъ и въ высшей степени удобенъ и пригоденъ для выраженія всѣхъ матерій какъ въ богословіи, такъ и въ философіи. И если бы мы, подобно нѣмцамъ, заботящимся о своемъ языкѣ, стремились къ его украшенію, отдѣлкѣ, умноженію и распространенію, то уже давно перешла бы къ намъ вся греческая и латинская образованность въ произведеніяхъ великихъ авторовъ; давно бесѣдовали бы съ нами на нашемъ материнскомъ языкѣ Платонъ и Аристотель, Цицеронъ и Ксенофонтъ, Геродотъ и Ливій, Плутархъ и Цезарь; пѣли бы намъ

свои поэмы Гомеръ, Гезюдъ, Пиндаръ, Виргилій, Гораций, Овидій; представляли свои комедіи и трагедіи Теренцій, Плавтъ, Софокль и Сенека; изъясняли законы Юстиніанъ, Палинапъ и др. „Sed contrarium fieri videmus!“ съ горечью восклицаетъ Велеславинъ, а между тѣмъ „*occasione excolendae linguae Bohemicae tot se nobis ho seculo offerunt, quot prioribus seculis maioribus nostris oblatae fuerunt nunquam*“.

Въ заключеніе Велеславинъ заявляетъ, что онъ будетъ доволенъ, если его „*rudis opella*“ побудитъ къ составленію лучшаго словаря болѣе ученыхъ людей; онъ взломалъ первый ледъ, открылъ и указалъ путь, по которому или могутъ пойти другіе, если признають его прямымъ, или отъ него уклонятся, если найдутъ ошибочнымъ.

„*Nomenclator quadrilinguis boemicolatinograecogermanicus*“, изданный „*in usum studiosae iuventutis*“ въ 1598 году, является, какъ мы уже сказали, дополненіемъ къ „*Silva quadrilinguis*“ и исправленнымъ изданіемъ прежняго триязычнаго предметнаго словаря, содержащимъ въ себѣ „*omnium ferme rerum, quae in probatis omnium doctrinarum autoribus inventuntur, appellaciones*“. Этотъ трудъ Велеславинъ посвятилъ „преславнымъ мужамъ, мудрѣйшимъ совѣтникамъ и лучшимъ сенаторамъ Кутной Горы“, своимъ покровителямъ. Къ этому побудило его то обстоятельство, что Кутная Гора была роднымъ городомъ его матери, и граждане кутногорскіе всегда проявляли къ нему особенное расположеніе; во-вторыхъ, городъ этотъ всегда отличался своимъ щедрымъ покровительствомъ просвѣщенію, не жалѣлъ средствъ на устройство школъ, на пособія учащимъ и немущимъ ученикамъ; наконецъ, кутногорскіе друзья его много помогли ему при составленіи этого словаря, приславши ему всю терминологию, касающуюся горнаго дѣла, названія инструментовъ, машинъ и т. д., записанную непосредственно отъ рудокоповъ. Словарь этотъ раздѣленъ на четыре части, въ коихъ сгруппированы слова, имѣющія отношеніе къ Богу, природѣ, человѣку и искусствамъ; всякая изъ четырехъ частей раздѣлена на отдѣльныя главы, при чемъ авторъ не заботился, повидимому, о проведеніи строгой системы въ этомъ подраздѣленіи; такъ, въ главѣ первой части первой сгруппированы слова, относящіяся къ Богу, его сущности и свойствамъ; далѣе идетъ рѣчь о сверхъестественныхъ существахъ; во второй главѣ трактуется о церкви, храмѣ, церковной утвари, въ третьей—о церковной іерархіи, при чемъ переименовываются и церковныя одежды; четвертая глава говоритъ о религіи и богослуженіи и т. д. Въ особомъ дополненіи по-

иѣщонъ списокъ собственныхъ именъ морей, рѣкъ, озеръ, странъ, острововъ, горъ, народовъ и городовъ. Чешскія слова снабжены переводомъ латинскимъ, греческимъ и нѣмецкимъ, при чемъ Велеславинъ въ затруднительныхъ случаяхъ, не зная чешскаго значенія извѣстнаго слова, помѣщаетъ на первомъ мѣстѣ латинскія слова, точно также въ другихъ случаяхъ авторъ ограничивается тѣмъ, что чисто нѣмецкія слова снабжаетъ чешскими окончаніями, особенно—въ терминологіи, относящейся къ горному дѣлу.

Изъ словарнымъ работамъ Велеславина надо отнести еще два сборника латинскихъ разговорныхъ фразъ, составленные Георгіемъ Фабриціемъ и снабженные Велеславинимъ чешскимъ переводомъ.

Первый изъ этихъ сборниковъ носитъ заглавіе: „*Elegantiarum ruerilium ex M. Tullii Ciceronis epistolis libri tres*“ и изданъ былъ Велеславинимъ въ 1580 г. Въ подобнаго рода пособіяхъ для изученія изящной латыни чувствовался въ то время сильный недостатокъ, говоритъ Велеславинъ въ предисловіи, и онъ имѣетъ въ виду своимъ изданіемъ удовлетворить потребностямъ школы. Переводы Велеславина латинскихъ фразъ, выбранныхъ изъ писемъ Цицерона, могутъ служить образцомъ перевода съ латинскаго языка на чешскій, и если чешскій переводъ иногда и кажется слишкомъ свободнымъ, то зато онъ вполнѣ отвѣчаетъ духу чешскаго языка. Второй сборникъ, подъ заглавіемъ: „*Elegantiarum с Plauto et Terentio libri duo*“, вышелъ въ Прагѣ въ 1589 году.

Двѣ книги этого сборника содержатъ обыденныя разговорныя фразы и сентенціи, избранныя изъ комедій двухъ римскихъ писателей Георгіемъ Фабриціемъ и снабженныя комментаріями его и Эразма Роттердамскаго. Произведенія Плавта и особенно Теренція считались источникомъ образцовой и чистой латыни и были предметомъ тщательнаго изученія въ школахъ эпохи гуманизма. Самъ Эразмъ Роттердамскій былъ однимъ изъ ревностныхъ почитателей Теренція и сторонниковъ школьнаго изученія его ¹⁾.

Появленіе такого сборника, очевидно, вполнѣ отвѣчало духу и потребностямъ времени, и въ чешской литературѣ можно назвать нѣсколько подобнаго рода сборниковъ разговорныхъ „формуль“ съ пе-

¹⁾ Въ своей книгѣ „*De ratione studii*“ онъ говоритъ: „*Inter latinos quis utilior loquendi auctor, quam Terentius? Purus, tersus et quotidiano sermone proximus, tum ipso quoque argumenti genere jucundus adolescentiae*“. *Otto Francke, Terenz und die lateinische Schulcomödie in Deutschland, Weimar, 1877, p. 8.*

реводомъ ихъ на чешскій и нѣмецкій языки, вышедшихъ въ свѣтъ до изданія Велеславина. Въ концѣ сборника помѣщены сентенціи Публія Сира, съ объясненіями Эразма Роттердамскаго, и сентенціи другихъ писателей древности.

Разсмотрѣнными трудами Велеславина почти исчерпывается его научно-издательская дѣятельность. Все остальное, что выходило изъ типографіи его, не имѣетъ уже такого значенія, какъ перечисленные нами труды, составляющіе основу литературной и издательской славы Велеславина.

В. Францевъ.